

УКРАДУ ТВОЮ ЖИЗНЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ЕЛЕНА РАХМАНИНА

Елена Рахманина
Украду твою жизнь
Серия «Пламя», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67920576

SelfPub; 2022

Аннотация

– Знаешь, что я с тобой сделаю? – уголок его губ ползёт вверх, но синие глаза остаются холодными.

Он ждёт, и я отрицательно качаю головой.

– Я сделаю так, что он никогда больше к тебе не прикоснётся. Побрезгует. Если захочу, сначала сам буду с тобой, – надавливает грубо большим пальцем на губы, давая понять, что от меня потребуется. – И тебе даже это понравится. Такой, как ты, не может не понравиться. А когда мне наскучит, отдам своим людям. Они давно не видели таких девок, как ты. Как тебе перспектива, Серафима?

Смотрю испуганно. Он принял меня за другую. За мою сестру. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	11
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	29
Глава 5	34
Глава 6	39
Глава 7	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Елена Рахманина

Украду твою жизнь

Пролог

Голова гудела. Веки чугунные. Не поднять. Услышала стон. И спустя секунду сообразила – он сорвался с моих губ. Потрескавшихся до крови. Я ощущала её привкус. Язык во рту сухой, как наждачная бумага. Но ярче всего вкус от ткани, врезавшейся в рот. Чтобы не кричала. Запястья, зафиксированные за спиной, болели. Кожу от натяжения жгута жгло, словно крапивой.

Воспоминания предательски медленно возвращались, но казались ночным кошмаром. Страшным сном.

Меня похитили. Как в каком-нибудь блокбастере. Но никогда не думала, что стану персонажем подобного кино.

Я ничего толком не успела понять. События разворачивались так стремительно, что казалось, я наблюдаю за всем со стороны.

С хорошими девочками не происходят такие плохие вещи. Видимо, я была недостаточно хорошей. Где же успела накосячить?

Тело ломило, будто от высокой температуры. И я действительно ощущала жар, но не уверена, что он исходил от меня.

С трудом втягивала в лёгкие спёртый горячий воздух. Но и его критически не хватало. Задыхалась.

После того как чувствительность вернулась к телу, до сознания начало доходить, что меня везут в машине. На дне фургона. Его потряхивает на ухабах. Наверняка я заработаю кучу синяков. Но это сейчас последнее, о чём мне стоит волноваться.

До слуха доносятся голоса. Но никак не могу понять, о чём говорят похитители. А потом наконец соображаю, что общаются мужчины не на русском. Этот язык я слышала раньше, но не знала.

С трудом разлепила ресницы. Вокруг тьма. Но я ощущаю, что рядом люди. Тепло их тел, резкий запах кожи, незначительные движения. А затем вновь проваливаюсь в удушающую пустоту.

Очнулась, когда поняла, что мы уже давно стоим на одном месте. Рядом никого. В грузовике темно, и кажется, что за его пределами ночь. Но, когда двери распахнулись, кабину залило ярким солнечным светом. Значит, уже наступило утро. Или день.

От долгого нахождения в темноте в глазах возникла болезненная резь. Поморщилась, застонала. Притвориться спящей не удалось.

Вздрогнула от тяжёлых шагов, когда в кабину вернулись мои похитители. Кажется, я их уже видела. Двое накачанных мужчин в чёрной форме. Когда похищали меня, их лица

скрывали балаклавы.

А сейчас, видимо, решили, что им незачем прятаться, и избавились от них. Это напугало больше всего. Догадывалась, что выпускать меня на свободу никто не планирует. А я наивно утешала себя надеждой, что, получив выкуп, меня освободят...

Когда глаза вновь привыкли к темноте, я напоролась на взгляд третьего мужчину, зашедшего в кабину фургона. Сглотнула слюну от страха. Он пробирал до костей. Уверена, что не видела его никогда в жизни. Вряд ли забыла бы.

Этот отличался от своих пособников тем, как вёл себя. Словно он хозяин положения. Их хозяин. Или уже мой хозяин?

Неспешным движением он нажал на кнопку. Салон осветился тусклым светом. Первый, кто до этого додумался. И я смогла разглядеть его.

Вальяжно вытянул длинные ноги в костюмных брюках, и в глаза бросились его ботинки. Начищенные. Блестящие. Не пыльные, как у остальных. Будто он пересел в фургон из своей дорогой иномарки.

Он сидит совсем близко. На расстоянии вытянутой руки. Синие глаза отдают люминесцентным свечением. Чёрные пушистые ресницы изогнуты, обманчиво намекая на мягкость их обладателя. Но нет. Этот человек вряд ли мягкий. От него разит опасностью.

Заметил, что я изучаю его.

Но молчит. Наблюдает.

Смотрит на меня с обжигающей ненавистью. Оставляющей ожоги и незаживающие раны.

Я неосознанно сжалась, подобрала ноги ближе в попытке защититься. Сгруппироваться. Отстраниться от него.

– Что, дрянь, нравятся новые хоромы? – задаёт вопрос, а я даже не сразу соображаю, что он обращается ко мне. Хлопаю на него слипшимися от слёз ресницами и смотрю испуганно. Недоумённо.

Что я ему сделала? За что он так со мной?

Пискнула, сама не зная, что сквозь кляп. Ему это не понравилось. Захотелось услышать мой голос?

Поймал мои волосы, не так давно красиво уложенные в локоны, намотал на руку и притянул к себе. Морщась, сама приблизилась к нему в попытке избежать боли.

От долгого лежания всё тело затекло. Я с трудом чувствовала конечности. Тут же повалилась бы на бок. Ноги словно испарились. Но его сил хватило, чтобы удержать меня на коленях.

В отличие от меня, от него хорошо пахло. Свежестью. Изысканным одеколоном. Накрахмаленной рубашкой. Кожей салона автомобиля и мягким ароматом табака. Моя же одежда пропиталась потом и страхом. Как давно мы едем? Сознание путалось. Меня наверняка чем-то опоили.

Его палец оказался за тканью, перетягивающей мой рот. Опустил её вниз. На шею.

– Тут можешь кричать сколько влезет. Никто не услышит и не поможет, – обращается ко мне. Голос грубый. С хрипотцой.

Акцент лёгкий, едва заметный. Будто он прожил долгое время за границей. Не в России. И уж точно не на Кавказе, хотя его борода, скрывающая нижнюю половину лица, намекала на обратное.

– Пить, – еле ворочая языком, прошу.

Кричать... Смешно. Я едва услышала собственный голос.

Он смотрит на меня как на грязное, дикое животное. С отвращением и ненавистью. Оставит умирать от обезвоживания? За время пути, мне кажется, вся влага выходила через поры. Жара стояла несусветная. Голова гудела. Должно быть, фургон от палящего солнца нагревался, как сковородка. И лишь скудный поток холодного воздуха от кондиционера не дал мне задохнуться.

Смотрит на своего пособника, а тот будто только и ждал знака, заглядывая в рот к синеглазому, чтобы предвосхитить его желания. Но не из раболепного поклонения, а из страха. Я ощущала этот запах, так как уже знакома с ним. Дрожащими руками передаёт бутылку.

Главарь большим пальцем прокручивает крышку, делает глоток и только после этого приставляет горлышко к моему рту. Наплевав на брезгливость, я с жадностью поглощаю жидкость. Капли воды текут по подбородку. Губы онемели оттого, что рот был долго перетянут. С трудом справляюсь

с мимикой.

Дав мне напиться, он убирает бутылку, сжимает мои спутавшиеся волосы на затылке и смотрит в глаза. Будто что-то хочет в них отыскать. Найти разгадку. Сначала в один заглядывает, затем во второй. С каким-то диким, одержимым выражением.

– Тощая, худая, как шпала. Что же он в тебе нашёл?

Хмурюсь. Свожу брови в недоумении. Кто «он»? О ком говорит похититель? О Владике? Пытаюсь хоть в чём-то разобраться, но не могу.

Незнакомец впивается пальцами в челюсть, будто хочет вырвать её, и изучает черты лица. Кожа грязная, тушь от слёз стекла на щёки. Большим пальцем проводит по скуле, царапая шершавой подушечкой.

– Знаешь, что я с тобой сделаю? – уголок его губ ползёт выше, но синие глаза остаются холодными. Убийственно спокойными. Словно не радужку рассматриваю, а кладбище, на котором только ветер поднимает вверх сухие ветки. Могильник.

Мне не хочется знать ответ на этот вопрос. Мне хочется только проснуться и понять, что это всего лишь сон. Уткнуться в подушку, зажмурив глаза, и выдохнуть с облегчением. Но, как ни впиваюсь ногтями в ладонь, пробуждение не наступает.

Он ждёт, и я нерешительно качаю головой. Отрицательно.

– Я сделаю так, что он никогда больше к тебе не прикос-

нётся. Побрезгует. Если захочу, сначала сам буду трахать. В рот, – надавливает грубо большим пальцем на губы, – и во все остальные твои дырки. И тебе даже это понравится. Такой шлюхе, как ты, не может это не понравиться. А когда мне наскучит, отдам своим людям. Они давно не видели таких девок, как ты. Как тебе перспектива, Серафима?

Буквально на один миллиметр отшатываюсь от него, смотря не только испуганно, но и недоумённо. Он принял меня за другую. За мою сестру.

Глава 1

Опустила глаза на белую салфетку, лежавшую на коленях. Сжала её в кулаке. Отец всегда твердит, что хорошо воспитанные девушки не должны показывать эмоции. А я ощущаю скрежет собственных зубов. От злости. С каждой секундой мои нервы натягивались всё сильнее, превращаясь в тонкую нить, разрывающуюся на волокна. Медленно выдыхаю и поднимаю ресницы на того, кого отец выбрал мне в мужа.

Мои губы, вопреки воле и отцовской муштре, искривляются в отвращении. Но мой жених ничего не замечает. Оценивает меня. Елозит по моему скромному платью сальным взглядом. Наверняка фантазирует о том, как будет мять моё тело толстыми пальцами в первую брачную ночь. От этой мысли тошнота подкатывает к горлу.

Хочется подняться из-за стола и скрыться из этого дома. Бежать так далеко, как только могу. В любую глушь. Туда, где меня никто не знает и никогда не найдёт.

– Ты будешь делать то, что я говорю, Анна!

Отшатываюсь, когда отцовский кулак встречается со столом. Он в ярости брызжет на меня слюной. Ужин закончился, гости ушли, и он может не скрывать своего недовольства. Ведь я так холодно и отстранённо приняла известие о скорой свадьбе.

– Ты моя дочь, а ведёшь себя как шалава! Такая же шлюха,

как твоя мать. Знал бы, что вырастешь такой неблагодарной тварью, предохранялся бы.

Вздрагиваю от этих слов. Он никогда не бил меня. Ладонью. Лишь словами.

Не понимаю, чем заслужила подобные обвинения. Я ведь никогда и ни с кем... Так, только целовалась. Почти невинно. С ровесниками в коридоре гимназии. Оттого становится ещё больнее. Несправедливость ранит глубже, иголками проникая под кожу.

Хотелось бы мне уметь не чувствовать. Ничего не ощущать. Но спектр моих эмоций ярче радуги. И сейчас они серые, как пепел и грозовые облака. Как пыль, поднимающаяся в воздух при порыве ветра.

Я морщусь, губы дрожат. Сжимаю их. Отец терпеть не может моих слёз. И всегда запрещал мне плакать. С самого детства. С того дня, как нашёл меня и привёл в свой дом.

Порой меня посещала болезненная мысль. Обратил бы он внимание на шантаж моей матери, сообщившей ему, что, оказывается, у него есть ребёнок, если бы его жена могла иметь детей? Только бог не подарил ему никого. Лишь меня. Не повезло...

Он привёл меня в свой дом, а его супруга наряжала чужую девочку, как красивую куклу, в нелепые наряды. Выводила в свет и знакомила с подружками, показывая им, какой у неё красивый ребёнок появился. А наедине тихо ненавидела меня. Ведь я плоть от плоти собственной матери. Да, шалавы

и потаскухи, всё верно. И порой казалось, будто все ждут, когда, как чёрт из табакерки, из меня выпрыгнет сущность моей матери. Вернее было бы сказать, сучность.

Да, я действительно не нуждалась ни в чём материальном. Но ни любви, ни тепла так и не получила.

Однако отец ни дня не давал мне забыть, как облагодетельствовал меня. Что без него я бы прозябала в нищете. Но разве заботиться о своём ребёнке не было его обязанностью и долгом?

– Он старик, папа! – закрываю лицо руками, не понимая, как до него донести простую истину. Как он представляет, что я выйду замуж почти за его ровесника?!

Но он не слышит. Словно бьюсь о глухую стену.

– Я столько дал тебе! Кров, лучшие школы, репетиторы, хореографы, ты никогда ни в чём не нуждалось, и теперь, когда у меня проблемы, ты отказываешься выполнить одну-единственную мою просьбу!

Мне так хотелось кричать в ответ такие же колючие обвинения. Что я не просила меня рожать. Не просила себя зачать. Не просила даже забирать от тётки, давшей мне временный приют. Перед тем, как меня бросили бы в детский дом. Как бесхозную, никому не нужную игрушку. За одним исключением – старшей сестры.

Я смотрела в его блёклые глаза, ставшие сейчас такими яростными и чужими, и не понимала, зачем он меня забрал. Почему не оставил там. Сестра позаботилась бы обо мне.

Одёргиваю себя. Я уже не маленькая, чтобы жаться к её юбке. Должна сама справляться.

– Но, папа! – вопреки воле по щекам текут слёзы, в ответ на мои чувства лицо отца искажает отвращение. – Мне только восемнадцать завтра! А ему за пятьдесят!

И я ведь люблю отца. Странной болезненной привязанностью к тому, кто не ответит теплом и взаимностью. Любостью нелюбимого никем ребёнка. Серафиму хотя бы папа любил... а меня. Только она.

Он выдыхает. Резко, как лошадь после скачки. Фыркает. Последнее время его здоровье всё слабее. Из-за больного сердца порой трудно дышать. Поэтому я прикусываю до боли язык. Стать причиной отцовского инфаркта совсем не тот груз, который хочется носить до скончания веков на плечах.

– Ты не понимаешь, дура, на кону всё, что у меня есть! Вся моя собственность, бизнес и деньги! Если этой свадьбы не будет – я всё потеряю, и ты тоже!

Замираю. Пытаюсь понять, врёт ли. Вряд ли. Отец не тот человек, который унизился бы до подобной лжи.

Сглатываю тугой ком, мешающий вздохнуть. Если мысль побежать к сестре и попросить помощи меня до этих слов утешала. То сейчас я ощутила всю безвыходность ситуации. Она сможет помочь мне избежать свадьбы, но выручать отца точно не захочет.

– Хорошо, папа, – выдыхаю ртом горячий воздух.

– Свадьба в следующем месяце, – он передаёт мне свою

платиновую банковскую карту, – можешь ни в чём себе не отказывать. Выбери самое красивое платье.

Глава 2

Поплелась в свою комнату, с трудом передвигая ноги. Завтра день рождения. Моё восемнадцатилетие.

До этого вечера я думала, что впереди меня ждёт учёба в университете, волонтерство в приюте для животных и посиделки с друзьями.

А оказывается, я должна, как жертвенный ягнёнок, пойти на откуп за бизнес отца и терпеть рядом чужое тело. Зажмурилась от отвращения. Я не смогу. Не сумею!

У-у-у... выть хотелось.

Я секс откладывала, парням отказывала, потому что не влюблялась никогда по-настоящему. Мне иногда казалось, что я и неспособна полюбить. Все мои ровесники в белых кедиках и брюках с подворотами не возбуждали во мне ни интереса, ни желания.

А теперь моё тело послужит благой цели. Ведь отец получит за меня деньги. Верно же? Как противно...

Закрываю дверь в свою спальню и набираю дрожащими пальцами телефонный номер. Не прошло и секунды, как трубка была снята.

– Аня, привет! – раздаётся радостный голос моего друга. Парня, которого я заточила во френдзону со старших классов школы. Я любила его, но как-то по-детски. Платонически. Не могла представить себе интим с ним.

Один раз он отважился и мазнул по моим губам влажным поцелуем. Я замерла, смотря на него испуганно. Пытаюсь разобраться в собственных ощущениях. Найти отголоски возбуждения. Но ничего кроме желания немедленно вытереть губы салфеткой не испытала.

Может, я какая-то испорченная, сломанная? Почему так?

Он понял всё по моему лицу и больше не предпринимал попыток. Но всегда находился поблизости. Надеялся и ждал. Девушки рядом с ним менялись с завидной регулярностью. Одна симпатичнее другой. И меня это успокаивало и устраивало. Пока на большее я готова не была.

Но чувствовала, что стоит его позвать – он придёт.

– Влад, привет, – отвечаю ему, сползая по деревянной двери на пол. Теперь, когда отца нет рядом, слёзы хлынули с такой силой, будто треснула дамба. Отчаянно хотелось пореветь в чью-то жилетку, а сестру расстраивать – нет.

– Солнце, что случилось? Ты плачешь? – взволнованно задаёт вопрос. И я чувствую, как, слыша мой плач, он тут же срывается с места, готовый бросить всё и бежать ко мне.

С моей стороны всегда было очень эгоистично держать его рядом, зная о влюблённости. Не отвечая взаимностью. Но он мой самый близкий друг после сестры, и в одиночку разрубить наши узы я была не в состоянии.

Судорожно вздыхаю, пытаюсь унять слёзы, мешавшие говорить.

– Отец хочет выдать меня замуж, – произношу, понимая,

что для Влада эти слова звучат как атомная бомба. И я впервые слышу, как друг при мне матерится.

– Ахереть, ты серьёзно?

– К сожалению. Ему нужны деньги, а его партнёру – я, – с отвращением поясняю.

– Чёрт, Аня, это жость. Просто жость! Ты не должна на это соглашаться! Я планировал послезавтра присоединиться к родителям в Греции, полетели со мной! Моя мама тебя обожает и будет очень рада! Перед учёбой всё лето. Может, за это время твой отец одумается и найдёт другой способ найти средства?!

Его предложение звучит так заманчиво. Так просто. Уехать и забыть обо всех заботах. Но что станет с отцом, если я уеду? Вдруг он не справится, вдруг от переживаний ему сделается плохо, а меня не окажется рядом?

– Нет, я не могу, – отказываю, ощущая лишь груз вины и ответственности.

– Можешь, – уверенно говорит друг, – я куплю тебе билет сейчас же, а завтра ты сама решишь, полетишь со мной или нет. У тебя будет весь завтрашний день, чтобы определиться, хочешь ли ты плясать под дудку отца или получить свободу.

Влад был прав. Я понимала, что отец мной манипулировал. Тонко. Продуманно. Но выхода всё равно не видела. Уснула заплаканная, с тяжёлой головой.

Утром отец делал вид, что вчерашнего разговора не было.

Скупое поздравил с совершеннолетием, ведя себя как обычно – отстранённо и холодно.

– Надень это, – передаёт мне чёрный бархатный коробок.

Сначала я с чего-то решила, что это подарок. Но отец никогда не дарил мне подарков. Только деньги. Поэтому, очнувшись, нерешительно смотрела на коробочку.

– Что это? – уточняю, беря в руки, будто он мог подсунуть мне что-то смазанное ядом.

Подняла крышку и обнаружила вычурное обручальное кольцо.

– Подарок от будущего мужа. Надень, – строго требует отец.

От его тона мои плечи сводит судорога.

Кольцо некрасивое. Совершенно не в моём вкусе. Жёлтый цвет золота не подходил к моему цвету кожи. Решила не спорить. Кину через пару дней его в коробку для украшений и забуду. А пока вытащила и нацепила на безымянный палец. Пришлось впору. И жгло.

Приняв этот подарок, я вернулась в комнату и зачем-то положила загранпаспорт вместе с папиной банковской картой в сумочку. Мысль согласиться на предложение Влада казалась всё слаще.

Звонок в дверь, и я несусь к выходу со всех ног. Соскучилась. Дико, до трясучки.

Сестра, как луч света, залетает в дом, стоило горничной

ей открыть, и я тут же кидаюсь в её объятия.

— Анька, — визжит она, заражая своим весельем. Красивая, счастливая. Обнимаю её, окунаясь в запах её волос, такой родной и знакомый, что он оказывает на меня эффект сильнодействующего антидепрессанта. — С днем рождения, Пирожочек! Люблю тебя больше всех!

— Врёшь, Спичка, никого не любишь больше своего мужа, — отрываясь, смотрю в её лучезарные глаза, а губы сами расплываются в улыбке.

Её щеки на мгновение покрываются довольным румянцем. Как же, мужа её вспомнили. Дорогого и обожаемого Ратмира Сабурова. Мужчину, который жизни не представляет без неё.

Ах... хотела бы я, чтобы меня любили с такой силой. Когда они смотрели друг на друга, мне казалось, воздух вокруг начинает искрить. Одно неловкое движение — и произойдёт возгорание.

— Это другое, Пирожочек. Тебя я люблю по-особенному, — говорит так пылко, что ей невозможно не поверить.

Да мне и не нужны слова. Чувствую её любовь. Сама её обожаю. Больше всех на свете. У неё в моём сердце нет конкурентов. Если и был на земле человек, за которого я без промедления отдала бы жизнь, — это, несомненно, Серафима.

Сестра заботилась обо мне несмотря на то, что сама была ребёнком, когда обнаружила меня на пороге квартиры. До-

ма, где жила вместе с отчимом из-за нашей непутёвой матери. И дедом с бабушкой.

Никогда не забуду тот день. Каждый раз, когда он всплывал в памяти, хотелось плакать. В голове блёклой картинкой, как помутневший фотоснимок, сохранилось воспоминание о том, как мама, сжимая мою ладошку, торопливо вела меня по улице. А я шла и гордилась ею. Ведь она была такой красивой. Статная, высокая. Яркая. Все говорят, что мы с Серафимой – вылитые наша мать. Сами похожи друг на друга, как близняшки. Все в неё.

– Анюта, – мама присела передо мной на корточки, подтянув короткую юбку, открывающую бесконечно длинные ноги, – тебе нужно пожить в этом доме. Тут о тебе позаботятся. А я тебя обязательно заберу, когда всё наладится.

Только ничего так и не наладилось. Никогда. А я ведь верила ей. Ждала. Каждый день ждала. И если бы не сестра... что бы со мной стало?

Ведь я Серафиме на самом деле не нужна была. Она молоденькая девчонка. Едва способная позаботиться о себе. И взвалила на свои хрупкие плечи непосильную ношу. Чужой ребёнок, которого она увидела в первый раз. Нагулянный матерью с очередным хахалем.

Глава 3

Встряхнула головой, забравшись в машину сестры. Стоило покинуть пределы особняка, как я смогла вздохнуть полной грудью. Будто сбросила с плеч оковы.

Спичка весело рассказывала про успехи Мишки, а мне оставалось только умиляться проказам любимого племянника.

– Офигеть, Пирожочек, ты вылитая я, – с восторгом рассматривает меня сестра, после того как я вышла из примерочной в выбранном ей платье. Коротеньком, бледно-розового цвета. Выглядевшем на мне почти невинно, если бы не длина – экстремально короткая. – Просто ксерокопия.

– Отец мне каждый день ставит в вину, что я копия Инны, – закатываю глаза.

Сестра тут же напрягается, вставая в боевую стойку.

– Ты всё ещё ей помогаешь? – прищуриваясь, спрашивает.

Ох, зря я произнесла имя нашей биологической матери. Биологической, потому что кроме ДНК в нас от неё ничего нет.

Сестра её ненавидела. Люто. За меня и за себя. А я... я так хотела любви, что готова была платить ей деньги за добрые слова. За сладкую ложь. Умом понимала это, а сделать с собой ничего не могла.

Опускаю глаза, чтобы сестра не видела моего смутения.

Но она знает меня лучше всех. Я себя так не знаю, как она. Видит насквозь по самую душу.

– Спичка, она же наша мама, – робко начинаю оправдываться.

– Пф! Никакая она не мама, Аня, о чём ты? Она бросила нас! Нас обеих! Нет у нас матери. Я тебе заменила и маму, и папу, забыла?

Качаю отрицательно головой.

– Ничего не забыла, ты же знаешь. Но ты не представляешь, как плохо она выглядела, – кусаю губы, вспоминая, – так, будто следующая ступень – побираться с бомжами на мусорке.

Лицо сестры в этот момент жёсткое. Даже жестокое. Она усмехается, слыша мои слова.

– Ты с детства собирала всех приبلудных животных. Вот и матери настал черёд. Но этой там и место, Аня. Некоторые вещи не стоит прощать. Она не заслуживает твоего внимания.

Умалчиваю от сестры сумму, которую уже отдала матери. Уши горят.

– Ладно, – смягчается сестра, – чёрт с ней. Пошли танцевать.

– А ты в чём пойдешь? – осматриваю её светлый брючный костюм. Красивый, но для ночного клуба не подходит. – Понимаю, что Сабуров сгорит от ревности, но ты должна быть в таком же платье!

Серафима залиvistо смеётся. Ей хочется пощекотать нервы супругу. Облизывает плотоядно губы, и я представляю, какой горячей будет их следующая встреча.

Мы выбрали ей наряд. Почти такой же, как у меня. Один в один. Разница минимальна. У меня рукава-воланы, а её платье держится на тонких бретелях. А цвет и длина ничем не отличаются.

Моя сумка не подходила. И Сера подарила мне крошечную симпатичную сумочку, в которую я покидала всё необходимое. А свои вещи оставила в багажнике её мерседеса.

Спичка долго пытала меня о том, как я хочу встретить своё восемнадцатилетие. С кем. Кого ей пригласить. А я никого не хотела видеть.

У меня имелись подружки, с которыми мы договорились посидеть в кафе на выходных. Но в день рождения я желала быть только с сестрой.

Сера привела меня в дорогой ночной клуб. Я редко заглядывала в подобные заведения. Окружённые её охраной, стоявшей неподалёку и везде преследовавшей нас, мы спокойно танцевали. Желаящие подойти если и попадались, то на их пути тут же вырастал кто-то из амбалов Сабурова. А ещё, готова поспорить, и сам муж моей сестры был где-то рядом.

На мгновение, когда вынесли небольшой торт с горячей свечкой, мне сделалось грустно. Потому что совсем не понимала, что ждёт меня дальше. Гнала от себя мысли о предстоящем замужестве, мечтая, что всё разрешится само собой. И

одновременно знала, что, если пушу на самотёк, – окажусь под венцом.

Натанцевавшись, мы вышли на воздух. В клубе душно, задымлено кальяном, а сестра пожаловалась, что у неё кружится голова.

– Сер, – опускаю взгляд на брусчатку, осторожно подбирая слова, – отец хочет выдать меня замуж.

Сестра склоняет голову, рассматривает, будто не узнаёт. Глаза сделались стеклянными.

– Что? – холодно переспрашивает, хотя отлично слышала вопрос.

– У него проблемы какие-то с бизнесом, – снова опускаю взгляд, – и этот брак – единственный способ их решить.

– Я надеюсь, ты его послала?

Жмурюсь.

– Сер, он мой отец. Я не могу его послать.

– Аня, – злится сестра, – ты понимаешь, что выходить замуж ради бизнеса отца – это глупость?

Согласно киваю.

– Ты сейчас поедешь со мной. И в дом своего папаши не вернёшься.

Ведь подозревала, что она так и скажет. Даже надеялась на это. Но внутри вдруг вырастает протест.

– Нет, Спичка, – смотрю наконец на неё. Упрямо. – Я взрослая. Давай я сама решу свои проблемы.

Я даже близко не такая отчаянная, как она. Но, находясь

рядом, заряжалась её энергией. Кусаю губы.

– Я улетаю сегодня с Владом в Грецию, – твёрдо говорю первое, что приходит в голову. И вдруг это решение кажется логичным и правильным. Единственно верным.

Расслабляется. Губы изгибаются в улыбке.

– Ты, конечно, его не любишь, – авторитетно заявляет, усмехаясь. – Ты как я, тебе не понравится парень, не поднимавший в жизни ничего тяжелее члена. Но сбежать вместе с ним – неплохая идея. Главное, предохраняйтесь.

Её слова вызывают смех, который прекращается в то мгновение, когда я вижу её мужа, выходящего из автомобиля. Ратмир не идёт к нам. Останавливается, прислоняясь к машине. Складывает руки на груди и ждёт. Не может и вечера провести без жены.

– За тобой приехали, – киваю в сторону мужчины.

Она не оборачивается. Просто мечтательно улыбается.

– У нас будет ребёнок. Рат ещё не в курсе. Ты первая, кто об этом знает, – сообщает мне, а у меня на глаза тут же наворачиваются слёзы радости. Во всём, что касается Серы, я размазня.

Порывисто обнимаю её. Муж давно её уговаривал на второго ребёнка, но Сера откладывала. Считала, что ещё рано. И вот наконец решилась.

– Я так рада за тебя, – шепчу ей в ухо.

– Спасибо, Пирожочек. Только я теперь буду за тебя волноваться. Пообещай, что придёшь ко мне, если что-то слу-

чится. И уезжай от отца.

– Хорошо, – киваю.

– Мы с Ратом на днях уедем в Италию. Если тебе надоест в Греции, присоединяйся.

Часы показывали уже полночь. Самолёт Влада через пару часов. Если повезёт и отец не заблокирует карту, то всё необходимое для поездки на море я смогу купить в аэропорту. Возвращаться домой я не планирую.

– Хорошо, – целую её в щёку, – если не буду некоторое время писать, то это потому, что не хочу, чтобы отец выследил. Не волнуйся за меня. Тебе нельзя.

– Береги себя. Я уеду с мужем, а ты садись в мою машину. Водитель отвезёт тебя, куда скажешь. Люблю тебя больше всех.

– Нет. Это я люблю тебя больше всех, – обнимаю её на прощание ещё раз. И чувствую какую-то странную тоску. Будто нескоро нам предстоит увидеться.

Гоню от себя эти мысли. Ерунда.

Мы расстаёмся. Охрана ей сейчас не требуется. Ратмир рядом, переживать не о чем. И её верные псы, смотрящие на неё щенячьими глазами, сопровождают меня к её мерседесу. Я теряюсь в их окружении. Оборачиваюсь на Спичку, но не вижу её.

Сев в автомобиль, получаю сообщение от Владика, что, если хочу, могу поехать с ним в аэропорт. Это кажется хорошей идеей, чтобы не искать друг друга на месте.

Пишу ему СМС-сообщение, что еду.

Водитель настроил радиоволну на какой-то канал, где транслировали неспешный джаз. Я прислонилась лбом к прохладному стеклу. В груди пустота. Так хотелось испытывать чувства, сравнимые по силе с любовью сестры к мужу. И мне делалось страшно от мысли, что я какая-то прокажённая. И не смогу никогда полюбить с такой силой. А если не так любить, то зачем оно вообще всё?

Автомобиль остановился на светофоре. Боковым зрением увидела какой-то странный комочек. Напряглась, поняв, что это котёнок.

– Остановите, пожалуйста, – прошу водителя. Он тут же исполняет просьбу.

Вышла из машины и поняла, что не ошиблась. На обочине пищал совсем маленький котёнок. Месяц от силы. На глаза навернулись слёзы от мыслей, что его кто-то выкинул.

Посмотрела на часы. Перед вылетом ещё было время.

Глава 4

Настоящее время

Не дышала. Только смотрела на него. И думала. За эти секунды, пока я тонула в синем омуте его радужки, перед глазами пролетела вся жизнь. Рефлекторное желание сознаться, что я не Серафима, подавила в себе мгновенно. Прикусила язык до боли. До крови. И пыталась понять, что случилось бы, скажи я правду.

Меня бы никто не отпустил. Смешно даже думать об этом. Может быть, убили бы тут же на месте как лишнего и случайного свидетеля. Чтобы не могла предупредить Сабурова об опасности. Или пустили бы в расход – развлекать людей Ямадаева, которыми он меня пугал.

Не сомневаюсь в одном – охота за сестрой продолжилась бы, и когда-нибудь он оказался у цели. А она – на моём месте.

Я понимала, кто передо мной. Сестра в подробностях рассказала жуткую историю, случившуюся с ними в злополучную ночь пару лет назад. Когда в один момент был убит партнёр её мужа – Мураз Ямадаев. Жена Ратмира погибла в автокатастрофе. И дядя Мураза Ямадаева. И все они умерли благодаря Сабуровым. Моей сестре и её мужу. Ненависть этого человека к моей семье вполне объяснима.

Сказать, что данная информация меня тогда шокировала, – ничего не сказать. Но сестра исповедовалась мне не для

того, чтобы облегчить душу.

Сера и Ратмир полагали, что когда-нибудь младший брат Мураза обязательно объявится. И я должна была быть начеку. На связь с ними он не выходил, несмотря на все попытки Ратмира. Ясно, что мира можно будет достичь лишь через войну. В которой кто-то погибнет.

И если это буду я, то так тому и быть. Но не моя беременная сестра.

Ещё не так давно я была уверена, что не окажусь в ситуации, когда придётся выбирать. Моя жизнь или жизнь другого человека. Только это не враг. А самый близкий мне человек...

– Сабуров тебя уничтожит, – говорю с полной уверенностью в своих словах.

Когда он узнает о плане Ямадаева, он впадёт в такую ярость, что мало не покажется никому. От одной только мысли, что Серафиму у него пожелали забрать.

Лицо мужчины принимает довольное выражение. Будто разозлить Сабурова – именно то, чего он хочет добиться. Ему не страшно. Они испытывает азарт от предстоящей бойни.

Он никак не реагирует на сказанное. Отпускает, вмиг потеряв интерес к моей персоне. Переводит внимание на своего пособника.

Я припадаю к стене, наблюдая за похитителями. Пытаясь определить, что ждёт меня дальше.

– У неё что-то было при себе? – обращается к мужчине, будто меня тут и нет.

Его голос меняется. Становится ещё грубее. Резче. Хотя, когда говорил со мной, мне и без того казалось, что я вот-вот описаюсь от страха. Не завидую я тем, кто на него работает. От него разит смертельной опасностью. Даже люксовые шмотки неспособны скрыть тёмную сущность. Будто смерть его преследует по пятам, и он заражает ей всех вокруг. Кроме себя.

Я судорожно пыталась вспомнить, что сложила в маленькую сумочку, с которой была в ночном клубе. И молилась, чтобы в ней не обнаружили загранпаспорт и платиновую банковскую карту, с выгравированным на ней именем моего отца.

Мой похититель сразу всё поймёт. Меня охватывает ужас такой силы, что я физически ощущаю гибель нервных клеток и белеющие в седину волосы.

– У неё было это, – похититель протягивает мой клатч.

Нервно наблюдаю, как главарь берёт его в руки и выбрасывает на пол всё содержимое. По одному предмету. Нет, сумочка слишком маленькая. В неё не поместился бы паспорт. Только бы не поместился, господи!

Вон летит блестящий тюбик помады, зеркальце, спиртовая салфетка, упаковка жвачки, тысячная банкнота, которую я закинула на всякий случай.

– Ещё она сжимала в руках вот это, – передаёт упаковку

пауча.

Хмурюсь. Клянусь, не могу вспомнить, как она у меня оказалась. Из-за шока в голове лишь отрывочные воспоминания. Часть из которых стёрлась страхом.

Медленно выдыхаю, оседая на пол, как сдувшийся воздушный шарик. Главное они не нашли. Значит, паспорт и банковскую карту я всё же оставила в своих вещах в автомобиле сестры.

Мой похититель недоумённо рассматривает пауч. Вертит его в руках. В его мозгу явно не складывается картинка. Моё вечернее платье, крошечная сумочка и влажный кошачий корм.

– Китекет, значит, – сводит тёмные брови.

Жёлтый отблеск лампочки, освещавшей фургон, причудливо падал на мужчину. Создавая зловещую игру света и тени.

Я почему-то не могла отвести от него взгляда. Изучая его. Тёмные волосы зачесаны назад, но одна прядь выбивалась, смазывая картинку безжалостного убийцы. Но, безусловно, он им является. Я знала это шестым чувством. Передо мной монстр в красивой оболочке. Он – плохой. Он не пощадит меня.

И если ему понадобилась Серафима, то для того, чтобы пробраться под кожу её мужу. Совершив самую извращённую и безжалостную месть. Забрав у Сабурова самое дорогое – любимую женщину.

Представила, что он мне приготовил, и мышцы свело судорогой. Надо придумать план побега, иначе он меня уничтожит. Физически и морально. Раздавит.

Взмах ресницами, и синева его глаз вновь сосредоточена на мне.

– Меня зовут Якуб Ямадаев. И теперь, Китекет, твоя жизнь зависит от меня.

Глава 5

«Приятно познакомиться» в такой ситуации не скажешь. «Чтоб ты сдох» тоже не подходит. Меня подобный исход может встретить раньше. А я жить хотела. Лишь сейчас поняла, как отчаянно и сильно. Только бы выбраться из его лап.

Якуб не ждал от меня никаких комментариев. Поставил в известность и поднялся.

Бросил какую-то фразу своим наёмникам не по-русски и покинул фургон, пригибаясь из-за высокого роста. Меня тут же взяли под руки и вывели наружу.

Оглядевшись, сообразила, что нахожусь не в какой-то глуши, куда, думала, меня привезут. А во «Внуково». Аэропорт, из которого вылетают частные самолёты. У моего отца не имелось столько денег, чтобы пользоваться подобными видами транспорта. Но мне довелось «покататься» на таком с Сабуровыми.

Серафима упоминала, что Ямадаев-младший затаился, зализывая раны и восстанавливая силы после смерти брата. Но, когда я увидела, как он переступает своими длинными ногами трап джета, стало очевидно, что раны уже затянулись. Финансовые по крайней мере.

Один из пособников толкнул меня в спину, заставляя идти вперёд. А я оглядываюсь в поисках сотрудников аэропорта. Как назло, поблизости никого. Но ведь внутри должны

быть пилоты, стюардесса. Хоть кто-то неравнодушный...

Самолёт так и кричал о богатстве его обладателя. Даже если это арендованный джет. Понятно, что эконом-классом меня бы не перевезли в то место, куда, по всей видимости, планируют. Разве что в чемодан засунули... С Ямадаева бы случилось.

Поднимаюсь в самолет с завязанными за спиной руками. В красивом, но поистрепавшемся вечернем платье. Если кто и увидит сейчас меня, решит, что ведут девочку для утех. Извращённых, конечно. Никому и в голову не придёт, что это настоящее похищение.

Внутри меня не встретил экипаж. Толкнули к креслу Якуба, который в нём вольготно расположился. И наблюдал за моим падением, как за представлением.

Запутавшись в своих ногах, я больно ушиблась коленями. Ворс ковра смягчил удар. Но не унижение.

Короткое платье задралось до самых трусиков, а зафиксированные за спиной руки не давали возможности с достоинством поправить юбку. Я отползла от Ямадаева чуть-чуть назад. Как неуклюжий краб. Не в силах оторвать взгляда от его лица. Как бывает, когда смотришь в глаза дикому животному, которое может вот-вот на тебя наброситься и растерзать.

Нет. Желания в его глазах я не обнаружила. Лишь сосредоточенное изучение жертвы. Он забавлялся, наблюдая за моими нелепыми потугами.

– Что, шалава, так смотришь на меня? Понравился? – ух-

мыляется. – Уже хочешь отсосать мне?

Его предположение тут же рождает волну жгучего гнева в груди. Он кипит. Клокочет до такой степени, что меня начинает потряхивать. Не от страха. От злости.

Но я так зла, что захлёбываюсь в нём, не в силах придумать достойный ответ. Открываю и закрываю рот. Мозг коротит и защитные реакции падают. Зыбываю, что я жертва похищения.

– Отсоси берёзовый сок у берёзы, козёл, – выдаю первое пришедшее в голову, – ты даже рядом не стоял с Сабуровым.

Называть Ратмира своим мужем у меня язык не поворачивается. Но вступить за честь сестры обязана. Как бы она себя вела с похитителем? Убила бы на месте взглядом. Испепелила к чертям.

Его движение было таким ловким и быстрым, что я не успела на него отреагировать. Увернуться или отползти ещё дальше.

Он приподнялся с кресла, схватил в охапку мои волосы и с такой силой притянул мою голову к себе, что мне казалось, он намерен снять с меня скальп. Я взвизгнула громко. Тонко. От дикой боли.

– Тебя муженёк не научил послушанию, так я научу, – произносит спокойно. Вкрадчиво. От этого голоса холодные мурашки поползли по спине, шее, к самому черепу, обхватывая его ледяным страхом. – И ты будешь делать всё, что я пожелаю. После того, как отмоешься. От тебя разит.

Якуб разжимает кулак, в котором держал мои волосы, и толкает меня от себя. Будто я ему действительно неприятна. Противна. И чтобы находиться со мной рядом, ему нужно преодолевать отвращение.

Отползаю назад, как змея, которой наступили на хвост. Вжимаясь в первый попавшийся угол. Через минуту наше уединение разбавляют его люди. И вскоре частный самолёт начинает движение.

Всё физиологические потребности на фоне стресса замедлились. Но сейчас я отчаянно захотела пописать.

– Мне нужно в туалет, – тихо сообщаю.

Где-то я читала, что если появилась угроза изнасилования, то девушке, чтобы отвлечь от себя насильника. Например, прямо во время нападения помочиться. Или совершить ещё что-то, что может остановить маньяка. Всё что угодно. В такой ситуации все способы хороши.

Должно быть, я ещё не дошла до этой стадии. И сведя бёдра, ожидала ответа.

– Отведи её, – приказывает пособнику.

Тот резко поднимает меня на ноги. Не смотрит в мою сторону. Как не смотрели люди Ратмира. Они всегда опускали глаза в пол в моём присутствии. Но подобного отношения от похитителя я не ожидала. Видимо, пока не получит обратного приказа, я для него остаюсь под запретом.

– Развяжи ей руки, – раздаётся голос Якуба, – не хочу, чтобы она заляпала весь туалет.

Краска стыда тут же оmyвает моё лицо. До жжения. Я смотрю на него и понимаю, что ненавижу этого чужого человека всеми фибрами души.

Глава 6

Стоило освободить запястья, как кровь тут же устремилась к пальцам, лишив их чувствительности. Будто их отрубили. Мой красивый маникюр канул в Лету. Ногти обломаны. Вероятно, я боролась, потому что обнаруживаю под ними запёкшуюся кровь. Ах, жаль, что это было не лицо Якуба. Животное.

Но вид собственного отражения в зеркале заставил вздрогнуть. Мой вечерний смоки айс размазан по всему лицу тёмной сажей, на щеке ссадина. Кто из них меня ударил?

От обиды и жалости к себе на глаза наворачиваются слёзы, но я глушу зарождающиеся рыдания. Не время плакать. Нужно как-то выбраться из ловушки. Только куда меня везут? Сколько понадобится времени моей семье, чтобы понять, что я не в Греции? А Владик? Всё зависит от него. Если он позвонит моей сестре и спросит, почему я не приехала...

А если нет? Если они все будут считать, что я в безопасности? От этой мысли сделалось дурно.

Пальцы закололо тысячью иголок. Болезненно и неприятно. Но потихоньку я смогла ими управлять. Включила прохладную воду, ощущая несказанную радость от такого простого действия. Вымыла ладони и уже было хотела умыть лицо. Но передумала. Его ведь останавливает, что я грязная. Вот и отлично.

Стоило выйти из уборной, как обнаружила, что меня ждут. Пробурчав что-то на своём, охранник толкнул меня обратно на пол. Условия в самолёте куда лучше, чем в фургоне. Даже не заметила, как сползла по стене на мягкий ворс ковра. Свернулась калачиком и уснула. Тяжёлым, тревожным сном. Казалось, прошло всего мгновение, когда меня грубо ударили по ноге, заставив тут же очнуться.

Минута дезориентации сменилась жутким ощущением потерянности. Не дав прийти в себя, меня, как щенка, подняли за шкуру и повели к выходу. За пределами самолёта жаркий, плотный воздух окутал со всех сторон. Кожа сделалась влажной и липкой. Платье не рассчитывалось на такую погоду, вызывая дополнительный дискомфорт. До ужаса хотелось в душ, но слова Якуба засели в голове.

Яркое солнце, заставляя щуриться, мешало осмотреть местность. Цивилизацией здесь и не пахло. Вокруг лишь горы, небо и какое-то здание, больше похожее на амбар, нежели на здание аэропорта.

Вновь толчок в спину. Очередная машина. Ощущала себя скотом, который перегоняют с одного места на другое.

Нет, конечно, господин Ямадаев не стал бы ехать со мной в одном автомобиле. Я же дурно пахну. Пф.

Обычно в кинофильмах жертве киднепинга завязывали глаза. Но нет, тут никого не волновало, что я могу запомнить дорогу. И я жадно смотрела на сменяющийся за окном пейзаж. Я сбегу. Точно сбегу от него. Только как?

Длительное голодание сыграло со мной плохую шутку. Вскоре от дикой езды водителя по встречным ухабам меня начало укачивать и заболела голова. Я припала лбом к холодному стеклу, отчаянно мечтая о завершении этого пути.

Один из охранников, должно быть, понял моё состояние. Передал мне явно из своих запасов кусочек вяленого мяса. Смотрел на меня глазами, полными жалости. И я с благодарностью приняла «угощение», на вкус больше напоминавшее резину. Но лучше так, чем желудок, который начал переваривать себя сам.

Может быть, этот сердобольный паренёк поспособствует моему побегу? Из «Маугли» я узнала, что храброе сердце и вежливый язык помогут выжить даже в джунглях. Поэтому попыталась улыбнуться ему.

Дорога заняла несколько часов, и, когда перед капотом машины выросли огромные ворота, я догадалась, что мы прибыли. Ворота распахнулись, и моему взору открылся настоящий замок. Я с изумлением осматривала хоромы, которым позавидовала бы королева Англии, если бы решила приобрести резиденцию в восточном стиле. Не представляю, каким трудом можно было в этой глуши заработать на подобное богатство. Честные люди в таких домах не живут.

На этот раз вытаскивал меня из машины «добрый полицейский». Аккуратно. Хотя мне кажется, после их прикосновений всё моё тело покрылось синяками и ссадинами.

Якуб выбрался из автомобиля, ехавшего вслед за нами, и

прошествовал мимо меня в дом. Будто я тара, не заслуживающая его внимания.

Наблюдала, как старая женщина вышла из дома и кинулась к нему, явно испытывая радость от его возвращения. Для матери слишком старая. Скорее всего, бабушка или какая-то ещё родственница. Он согнулся пополам, чтобы обнять её. И я удивилась, что ему знакомы какие-то человеческие эмоции.

Когда бабушка посмотрела в мою сторону, меня пробрал холод до самых костей. Она ненавидит меня не меньше, чем он. Значит, точно родственница. Близкая. Внутри всё сжалось от страха. Вокруг враги, считавшие меня причиной своих бед.

– Чего вы остановились! Веди её в дом.

Голос второго охранника, более взрослого и грубого, раздался за спиной. И молодой человек, державший за руку, будто пытаясь показать свою лояльность, тут же подтолкнул меня вперёд.

К моему удивлению, меня повели к центральному входу. Силой воли заставила себя гордо держать голову, пока проходила рядом с этой взрослой женщиной. Её волосы были покрыты чёрным платком. Будто траурным. И глаза такие же чёрные, как и её наряд, безотрывно глядели в мою сторону. Хотелось тут же прочесть какую-нибудь молитву и перекреститься. Выдохнула лишь, когда она оказалась позади.

Внутреннее убранство дома кричало о богатстве. А инте-

рьер ослеплял золотом и хрусталём. После белого блёклого дома отца мне даже понравилось увиденное. Необычно и ярко. На грани кича.

Меня вели прямо по пятам Якуба на второй этаж. И с каждым шагом страх сковывал всё сильнее. И от него дрожь расползлась по телу. Ноги сделались ватными, слабыми. И когда меня вновь кинули, как ненужную вещь, в его комнату, я не нашла в себе сил подняться.

Я дышала тяжело, глубоко, не представляя, какие приключения ожидают дальше. Смотрела на него круглыми глазами.

Бросил неприязненный взгляд в мою сторону, как на назойливую муху. Не очень-то он хотел со мной возиться. Но вместо того, чтобы выкинуть меня вон, принялся расстёгивать свою рубашку. По одной пуговице добираясь вниз. К брюкам. И смотрел при этом на меня, валявшуюся на полу. Сердце бухало в груди.

Избавившись от рубашки, он кинул её на застеленную кровать. А я с трудом могла перебороть в себе любопытство и не рассматривать его рельефное, загорелое тело. Опасаясь, что он вновь решит, что я проявляю к нему плотоядный интерес.

При движении накачанные мышцы перекатывались под кожей. Передо мной стоял дикий хищник, вышедший на охоту.

Мне ничего о нём неизвестно, кроме того, что он опасен.

Но, глядя на него, в памяти всплывали те бойцы, которых я видела на ринге. Сабуровы порой брали меня с собой на различные бои. Не только боксёрские. Но я отлично могла бы его представить размазывающим кровь по чужому лицу.

Он пугал меня. Да, наверное, он красив. Но жуткой, нечеловеческой красотой. Вкупе с ненавистью, источаемой в мою сторону, единственное желание, зарождавшееся во мне при нём – бежать. Бежать как можно дальше и быстрее. Сбивая стопы в кровь.

Но лишённые жизни синие глаза действовали на меня гипнотически. Парализуя, не давая сдвинуться с места.

Когда в итоге он скрылся за дверью, которая, судя по всему, вела в ванную комнату, я выдохнула с облегчением и обмякла. Шум воды успокаивал.

Прислонилась к стене и, обняв колени, осмотрелась. Комната показалась красивой. Наполненной светом. Но ему больше подошла бы в качестве жилища пещера в скале. И выхода отсюда нет. Разве что спрыгнуть на улицу и переломать себе ноги. Так себе решение.

Минут через десять он вернулся. Вздрогнула, когда дверь отворилась. И ещё раз, когда обнаружила его в одном полотенце, обёрнутом вокруг бёдер.

– Иди в душ, – обращается ко мне.

Я сидела на полу, не собираясь двигаться с места. Может, мне ещё аромамаслом себя намазать, чтобы ему приятно было меня насиловать?

– Иди к чёрту, – отвечаю, понимая, что мне это с рук не сойдёт.

Глава 7

Он поднимает меня на ноги. Легко. Одной рукой за волосы. Тут же тянусь к его запястью, вцепляясь в него изломанными, острыми ногтями. Надеюсь оставить на нём царапины и причинить боль. Но, к моему сожалению, он даже бровью не повёл.

– Отпусти! – пишу. Из-за натяжения, кажется, глаза лезут на лоб.

– Маленькая невоспитанная Китекет, – шепчет мне на ухо, а я встаю на цыпочки в бесполезной попытке ослабить боль. Разжимает пальцы, толкает к стене, пригвождая к ней своим телом.

Меня обдаёт запахом геля для душа, мятного дыхания и исходящим от него жаром. Я ощущаю всю силу его самоуверенности на себе. Высокомерия.

Женщины для него расходный материал. Он привык, что они падают ниц перед ним, и я не должна стать исключением.

О чём он думает? Неужели считает, будто сестра с Сабуровым не по любви, а ради денег? Поэтому так самонадеянно себя ведёт? Сера слишком сильно любит мужа, чтобы видеть других мужчин.

А я никогда не сталкивалась с подобным представителем сильного пола. С таким, как он. Лично. Они не попадали в моё окружение. Мальчишки-одноклассники, студенты, зна-

комьящиеся со мной в кафе и клубах, так отличаются от него. Чувствую себя перед Якубом слабой, незащищённой. Отчаянно неопытной.

– Придётся преподать тебе несколько уроков послушания, – его голос стал ниже на пару тонов, – раз не хочешь по-хорошему, начнём по-плохому.

Вскидываю голову на него, смотря с недоумением.

– По-плохому ты начал первый, по-хорошему ничего не получится, – рычу, как дикая уличная кошка, выпуская когти и показывая зубы, – как только Сабуров поймёт, что я пропала...

Он зажимает мне рот ладонью, морщится, будто слышать фамилию мужа моей сестры ему неприятно.

– Не рассчитывай, что тебя тут быстро найдут, – его губы изгибаются в пугающей улыбке, от которой все внутренности холодеют, – не раньше, чем я захочу тебя вернуть. Если ты ему ещё будешь нужна.

И в подтверждение своих намерений он скользит рукой под моё платье, задирая его вверх. А я даже не сразу замечаю, что происходит. Он тянет тонкие кружевные трусики, сотканые из тончайшей шёлковой паутины. Она врезается в мою кожу, и я с ужасом слышу треск ткани, которая остаётся в его кулаке. Последний оплот защиты.

Пытаюсь оттолкнуть его, нанося беспорядочные удары по мощной груди. Но без толку.

Ловит мои запястья, поднимая руки над головой. Ему же

не нравится, как я пахну. Я ведь грязная, так он говорил. Однако это не останавливает его. Он вжимается в меня своим телом, а я с ужасом понимаю, что он возбуждён. Смотрю в его потемневшие глаза и осознаю, что он получает удовольствие от моего сопротивления.

– Ты такая же шлюха, как и все. Я чувствую запах твоего желания, – криво усмехаясь, заявляет.

Его слова так похожи на обвинения отца, что делает нанесённую рану ещё больнее.

Страх отступает, остаётся лишь чернильная ненависть, проникшая в каждую мою пору. Поползшая по каждому кровеносному сосуду.

Я плюю ему в лицо и сама не понимаю, что сотворила.

Он замирает. Очень медленно вытирает свою щеку. Его ноздри раздуваются от бешеной ярости. Если он ударит, от меня ничего не останется. А я вижу, как его пальцы сжимаются и разжимаются. Как ему хочется меня уничтожить.

Незаметным для меня движением он распахивает дверь спальни, выталкивает меня за её пределы и зовёт кого-то из своих приспешников. Я смотрю на него ошарашенно.

Спустя мгновение к нам подлетел кто-то из его людей, ожидая указаний. Они поступили на «его» языке.

Якуб быстро взял себя в руки. Улыбнулся мне на прощание своей фирменной зловещей улыбкой, от которой захотелось спрятаться под одеялом.

Не успела я моргнуть, как фарфоровая кукла из тех, что

любила дарить мне мачеха, как дверь его спальни захлопнулась перед моим носом. А меня повели по длинному коридору.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.